

Линн Виссон,

синхронный переводчик с русского и французского на английский
в ООН, доктор философии

О СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

В России (и особенно в СССР) предпочтение отдавалось и до сих пор отдаётся устному переводу с родного языка на иностранный, тогда как в ООН и ряде других международных организаций наблюдается обратная ситуация. Однако сегодня на переводческом рынке в основном требуются специалисты, умеющие работать в обе стороны. Опираясь на свой опыт преподавания устного перевода в ООН, Монтерейском институте международных исследований и Колумбийском университете, автор рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются русские студенты при переводе на английский. Находясь в кабине, обучаемые под воздействием стресса начинают допускать в своём переводе грамматические и стилистические ошибки, неправильно используют артикли и глагольные времена. Для таких студентов в статье предлагается специальный комплекс упражнений. Особое внимание автор обращает на необходимость погружения в иноязычную среду в рамках образовательных программ и программ международного студенческого обмена.

Ключевые слова: синхронный перевод, родной язык, иностранный язык, русский язык, английский язык, ООН, стресс, упражнения, иноязычная среда, образовательные программы.

Теоретические проблемы, связанные с такой необычайно сложной задачей, как преподавание синхронного перевода с родного языка на иностранный, обсуждали, анализировали и проклинали многие поколения преподавателей разных континентов. И хотя их споры скорее всего будут ещё продолжаться на протяжении многих десятилетий, это вряд ли очень поможет тому, кто вынужден каждый день иметь дело со студентами, изо всех сил старающимися точно и грамматически правильно воспроизвести на иностранном языке текст, написанный или произнесённый на их родном языке. К сожалению, сами педагоги, сталкивающиеся с этой проблемой, уделяли и уделяют практическим аспектам своей работы довольно мало внимания.

Широко известно, что в России, особенно в Советском Союзе, считалось, что устному переводчику лучше всего переводить с родного языка на иностранный по той простой причине, что он понимает всё сказанное на родном языке. Но владение родной речью никак не гарантирует, что переводчик может переработать свой рабочий материал так, чтобы представить его на иностранном языке грамматически, стилистически и лексически в правильном виде. Недопонимание этого давало о себе знать не только в СССР, но и во многих западных странах до и после Второй мировой войны, когда даже во время переговоров на высшем уровне о разоружении устные переводчики перерабатывали языки «своей стороны» на язык

Russian interpreters with no choice except to interpret both ways, into native and into foreign. This was also the practice in many Western states, in which at negotiations at the highest level — e.g. disarmament negotiations — the interpreter worked from the language of “his” side into the language of the “other” side.

At the United Nations, however, and at many conferences worldwide, the preference was, and still is, for interpretation into the native language. Still today, interpretation into English, French, Spanish and Russian is provided by native speakers of these languages, and it is only for Chinese and Arabic — the so-called “exotic” languages — that interpretation in the booth is two-way, into Chinese and Arabic from English/French and into English/French from these languages. For even though the interpreter certainly understands everything said in his native language, under the pressure of the booth correct stress, grammar, choice of lexical units, style, register and intonation may quickly break down. (It is well known to all professionals, moreover, that bilinguals do not necessarily make good interpreters. Somewhat like Goldilocks in the children’s story, “when they are good they are very, very good, and when they are bad they are horrid,” — i.e., completely unable to code switch. Russia has in fact produced some extraordinary bilingual interpreters such as Viktor Sukhodrev, or the late Boris Belitsky and Oleg Troyanovsky. The talents of these extraordinary individuals, however, are by no means shared by each and every bilingual. The issue of bilingualism in interpretation, however is a separate question).

As far as the listener is concerned, he could care less that the interpreter understands everything! He is interested solely in what he is hearing, i.e. is what he is “being fed,” and whether that is easily comprehensible and correct English, French, or whatever other language he may be hearing.

Aside from the organizations of the United Nations system and some other international organizations and various conferences and congresses, however, today’s market — and in particular the private market — is increasingly demanding that interpreters work in both directions, into and out of their working language. So while theory is all well and good, teachers of interpretation, regardless of where their schools are located, must face the realities and demands of today’s world and prepare their students to work both ways.

All of my personal experience in teaching interpretation, in training courses at the United Nations, the Graduate School of Translation and Interpretation of the Monterey Institute of International Studies, Columbia University in New York and at the Marshall Center in Garmisch-

«чужой стороны». Больше всего сложностей при переводе на иностранный язык было, конечно, в Советском Союзе, где из-за недостатка носителей иностранных языков устным переводчикам неминуемо приходилось переводить и с иностранного, и с родного языка.

Как в ООН, так и во многих других международных организациях предпочтение на конференциях отдавалось и до сих пор отдаётся устному переводу на родной язык. В настоящее время устный перевод на английский, французский, испанский и русский осуществляется носителями этих языков, а работа с так называемыми «экзотическими» языками — китайским и арабским организуется по другому принципу. Она ведётся в двух направлениях: на китайский или арабский — с английского или французского, а с китайского или арабского — на английский или французский.

Понятно, что переводчики-«экзотики» практически вынуждены действовать как билингвы, но это не избавляет их от проблем, с которыми сталкиваются их коллеги при работе с другими иностранными языками. Во-первых, как бы хорошо переводчик ни понимал всё сказанное на родном языке, в условиях повышенной нагрузки ударение, грамматика, выбор лексических единиц, стиль, регистр и интонация подчас оказываются неправильными. Во-вторых, всем профессионалам прекрасно известно, что билингвы не всегда становятся хорошими устными переводчиками. Следуя логике детской сказки о Златовласке, «если они [переводчики] хорошие, то они очень, очень хорошие, а если они плохие, то они просто ужасны», т.е. совершенно не способны переключаться. Разумеется, нет правил без исключения. Россия, например, дала миру нескольких выдающихся переводчиков-билингвов, таких как Виктор Суходрев, Борис Белицкий и Олег Трояновский, но их таланты — довольно редкое явление.

Что касается слушателя, то его совершенно не волнует то, что переводчик всё понимает. Ему интересно только то, что он слышит, т.е. то, чем его «кормят». Иначе говоря, он хочет чтобы речь на английском, французском или любом другом языке была легко понимаемой и правильной.

Но как быть преподавателю сегодня, когда за пределами ООН и других международных организаций при устройстве различных конференций и конгрессов на современном рынке все больше требуется от устных переводчиков работа в обоих направлениях — с иностранного языка и на иностранный? Думаю, что преподаватели синхрона, независимо от того, какой теории они придерживаются о преимущественном языке для перевода и где расположены их школы, должны действовать в соответствии с потребностями нашего времени и готовить студентов для работы в обоих направлениях.

Весь мой личный опыт преподавания устного перевода на курсах Организации Объединённых Наций, в Школе перевода при Институте международных исследований в Монтерее, в Колумбийском университете Нью-Йорка и в Центре имени Джорджа

Partenkirchen, Germany, has served to convince me of the tremendous difficulties encountered by interpreters working from native into foreign languages, and of the problems this poses for their teachers. The situation is somewhat similar to teaching people used to driving on the right side of the road to drive on the left, or to teaching right-handed people to write letters holding a pen in the left hand. Theoretically, one is performing the same action. In fact, all the road signals, stage cues and rules of the game are different. All too often, an interpreter who when working into his native language can cope extremely well with the difficulties of a speaker's high-speed delivery, difficult accent, twisted syntax and incorrect grammar begins to stumble seriously when he is obliged to work into a foreign language. We have all had our share of listening to "Esteemed Mrs. President" or "In the name of my country and my peoples," or of «дорогой директор» or «во имени моих народов». The pressure of the booth can quickly break down the linguistic instincts, intuitions and learned habits of even an excellent interpreter, once he is forced to work "against the grain" (против шерсти).

Russian-language interpreters working into English are immediately faced with a basic dilemma: are they using "British" or "American" English? True, 99% of the time Albion and America understand each other with little or no difficulty, but the interpreter must be consistent. If he chooses to say "lift" instead of elevator, well and good, but then he must be sure to say "flat" and not apartment, and "cross the road" rather than "cross the street."

The teacher working with a Russian speaker interpreting into English sometimes feels that there are so many vital issues, such as complex vocabulary (disarmament, economics, the environment, etc.), idiom, proper register and intonation, etc., that he can blithely ignore such mundane irritants as misuse of the article. Sins of commission and omission, however, i.e. omitting the article where it is required, or inserting it where it does not belong, or using a definite instead of an indefinite article will immediately cause the English-speaking listener to lose confidence in the interpreter. If the interpreter is not made aware of the importance of the correct use of articles at a very early stage of his career, the most brilliant lexical and syntactic pyrotechnics will not help him build a reputation as a solid interpreter.

Equally difficult for native speakers of Russian is the English system of compound tenses. It is not enough to indicate that an action is taking place in the past, present or future. The Russian verb system does not automatically suggest the correct form to the interpreter; the work of producing such compound tenses as "we shall have been talking for

Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Германия) показывает, какие именно трудности испытывают переводчики при переводе с родного языка на иностранный и как может преподаватель помочь им в тех или иных случаях. Увы, его ситуация несколько напоминает мне попытки научить людей, привыкших к правостороннему движению, ездить слева, или научить правой рукой писать левой рукой: теоретически в обоих случаях водитель и правша совершают по существу одну и ту же перестройку, но на практике дорожные знаки, сигналы или координаты при операциях разными руками неодинаковы. При переводе на родной язык опытный синхронист, как правило, хорошо справляется с высоким темпом речи говорящего, со сложным акцентом, запутанным синтаксисом и неправильным употреблением грамматических форм, но начинает делать серьёзные ошибки при переводе на иностранный язык. Все мы сполна наслушались высокопарных и неверных в обоих языках фраз вроде “Esteemed Mrs. President”, “In the name of my country and my peoples”, а в переводах на русский — «дорогой директор» или «во имени моих народов». Это — плоды повышенного напряжения, которое часто и быстро ослабляет лингвистическое чутьё, интуицию и отработанные навыки даже у великолепных переводчиков, когда они вынуждены работать «против шерсти».

Особая проблема встаёт перед русскоязычным переводчиком, работающим с английским: использует ли он «британский» или «американский» вариант? Да, в 99% случаев Туманный Альбион и Америка понимают друг друга более или менее без проблем, но переводчик должен быть последовательным. Если он использует британское слово “lift”, а не “elevator”, то значит далее он должен говорить “flat”, а не “apartment” и “cross the road”, а не “cross the street”.

Преподаватель, работающий с носителями русского языка, переводящими на английский, сталкивается со многими трудностями из-за сложной лексики (разоружение, экономика, окружающая среда и т.д.), не говоря уже об идиомах, правильном регистре и интонации. В частности, необычайно стойкой ошибкой является употребление артикля. Однако нарушение правил и упущение артикля там, где он должен быть, и его использование там, где он не нужен, или же подстановка определённого артикля на место неопределённого сразу же выявляются англоговорящими слушателями — они теряют доверие к переводчику. Если студенту-синхронисту в самом начале обучения не дать понять важность правильного использования артиклей, то даже самые блестящие знания лексики и синтаксиса не позволят ему приобрести хорошую репутацию.

Такую же сложность для носителей русского языка представляет английская система сложных времён. Например, достаточно ли при переводе просто показать, что действие совершается в прошлом, настоящем или будущем? Нет, русская система глаголов не даёт переводчику прямых указаний на нужную форму времени. Устному переводчику приходится самостоятельно принимать ре-

twenty minute now” or “If I had known, I would not have come” falls to the interpreter. The constant use of simple tenses, “We do,” “he stated” rather than “we have been doing” or “he has stated” can lead to confusion as to the sequence of events or as to completion of action, and will also make the English-speaking listener quickly lose confidence in the interpreter.

Nor can the teacher of R-E interpretation fail to ignore the vital importance of prepositions. There are enormous differences in meaning between the expressions “to keep to/keep in/keep out/keep up/keep at,” etc. The wrong choice of preposition produces an effect on the listener similar to that produced by an interpreter into Russian who opts for the wrong case (падежное окончание) ending.

Syntax poses yet another headache, for the Russian тема-рема construction produced sentences with a word order that is often precisely the opposite of that commonly found in English sentences. Participial constructions which pop up in a sentence far ahead of the subject help to add to the verbal confusion: «принятая сегодня к великому удовольствию всех присутствующих во втором зале делегаций резолюция» requires verbal gymnastics to produce a proper English sentence. So, too, sentences beginning with a verbal construct in an oblique case, e.g. в нашем парламенте эта проблема давно обсуждается, в этом документе много полезных предложений are often best translated as nominative constructions, e.g. «our parliament has been discussing this issue for a long time...» «this document contains many useful proposals.» Impersonal constructions with надо and нужно, or verbs such as хочется, читается, белеет, чернеет also cause problems for the Russian interpreter working into English.

On a more general level, the non-native speaker is constantly faced with issues of style and register. Out of a desire to prove how well he has mastered the language, the Russian speaker all too often may opt for the extremes: an excessively formal or a gratingly informal level of discourse. “Esteemed and respected colleagues” alternates with “Are you guys gonna want a lunch break now?” It should be repeatedly emphasized to students that excessive use of colloquialisms and substandard forms does not prove mastery of a language, but rather an inability to cope with the norms of style and register. “Keep it simple” is good advice for the novice interpreter forced to work into a non-native language. Slang and buzzwords should be kept to a minimum; we have all heard Americans trying to «be Russian» by inserting «прикольно» or «клёво» into every other sentence.

шение об использовании таких сложных форм, как “we shall have been talking for twenty minutes now” или “If I had known, I would not have come”. Постоянное использование простых временных форм “We do”, “he stated” вместо “we have been doing” или “he has stated” нередко приводит к неправильному обозначению последовательности событий или создаёт неправильное представление о законченности действия. А ведь из-за этих неточностей англоговорящий слушатель может поставить под вопрос весь перевод.

Очень трудно преподавателю устного перевода научить русского синхрониста правильному употреблению предлогов, имеющих в английской речи очень широкое хождение. Значения фразовых глаголов “to keep to/keep in/keep out/keep up/keep at” очень сильно различаются. А неправильный выбор предлога для слушателя — это как искажение падежного окончания при переводе на русский.

Синтаксис также представляет собой большую проблему. Порядок слов при построении темарематических конструкций в русском языке коренным образом отличается от порядка слов в английском языке. Причастные обороты в начале предложения легко могут привести в замешательство: «принятая сегодня к великому удовольствию всех присутствующих во втором зале делегаций резолюция». Чтобы перевести эту фразу правильным английским предложением, требуется целая цепочка сложных логических и синтаксических перестроек.

Это же касается и предложений, начинающихся конструкциями с существительными в косвенном падеже, таких как «в нашем парламенте эта проблема давно обсуждается»; «в этом документе много полезных предложений». Часто они трансформируются в абсолютные конструкции: “our parliament has been discussing this issue for a long time...”; “this document contains many useful proposals”. Неменьшую сложность представляют также безличные конструкции со словами «надо», «нужно» или такими глаголами, как «хочется», «читается», «белеет», «чернеет».

Человек, не являющийся носителем языка, постоянно сталкивается с проблемами стиля и регистра. Стремясь продемонстрировать великолепное знание иностранного языка, некоторые люди иногда прибегают к крайностям — используют слишком формальные выражения или вызывающую раздражение неформальную лексику. “Esteemed and respected colleagues” чередуется с “Are you guys gonna want a lunch break now?” Необходимо постоянно напоминать студентам, что излишнее употребление разговорных и не соответствующих языковой норме выражений свидетельствует не о великолепном знании языка, а скорее о подражании сленгу или о неспособности соблюдать нормы стиля и регистра. Все мы слышали, как американцы, пытаясь «быть как русские», в каждое предложение вставляют «прикольно» или «клёво». Прибегать к использованию сленга и различных модных словечек на чужом языке нужно осторожно и как можно реже. Быть проще — хороший совет начинающему переводчику, переводящему на неродной язык.

The question here is not кто виноват, but rather что делать? A few suggestions:

1) Students should be given lists of American and British idioms, and the rules for American and British spelling, and should be encouraged to keep the two systems separate in their minds. Tapes should be given of speakers from both sides of the ocean, to accustom the student interpreters to accent and idiom.

2) There should be extensive work with texts and tapes illustrating a variety of styles, ranging from formal political statements to informal speeches, magazine articles, dialogues and conversation. Exercises should be given regarding the proper use of synonyms, e.g. "proper" from a stylistic point of view. For example, the verb in the sentence «Эта война стоила жизнь миллионам людей» can be rendered using a wide range of verbs such as "killed, massacred/slaughtered/ destroyed/terminated/ended the lives of/ wiped out/did in," etc. The major question here is one of style and register.

3) From Day One, students should be encouraged to record themselves, and to focus intensively on the problems discussed above. For any tape or text, the student should first record his interpretation, trying to cover all of the major issues of vocabulary, grammar, syntax, style, register and delivery. He should then record a second interpretation, focusing on one issue, e.g. the article, or verb tenses. Then a third round, concentrating on syntax or on delivery. Only after having done repeated recordings, each of which focus on one particular issue, should the student then attempt to put everything together into one smooth interpretation.

Students of interpretation also need encouragement! This may seem obvious, but there are so many ways for a student to "go wrong" when interpreting into a foreign language, that compliments for good work and continued encouragement are vital to avoid having the student падать духом. And, of course, the more native speakers of Russian can work with native speakers of their working languages, and the more exposure they can have to the linguistic environment of those languages, the better the results. Both teachers, students, and above all the future listeners of those students will stand to benefit from cooperation through international study programs and exchanges of faculty and students.

Как в учебном курсе по любой науке, так и в обучении синхронному переводу нет правил на все случаи жизни. В каждом из них преподавателю часто приходится самому решать, что делать. Поэтому *мне хотелось бы* дать несколько советов, которые относятся к чаще всего встречающимся ситуациям.

1. Очень полезно выдавать студентам списки американских и британских идиом, а также правила американского и британского правописания. Следует чётко разделять эти две разновидности одного языка. В процессе преподавания можно и нужно использовать записи речей как британских, так и американских ораторов, чтобы студент привык к различным манерам произношения и акцентам.

2. Тексты и записи, наглядно демонстрирующие различные стили — от формальных политических заявлений до неформальных бесед, журнальных статей, диалогов и речевого общения, — требуют специальной и скрупулезной работы. Здесь нужно давать упражнения на правильное использование синонимов, особенно тех, которые выявляют стилистические различия в иностранной речи. Например, глагол в предложении «Эта война стоила жизни миллионам людей» может переводиться различными способами: “killed / massacred / slaughtered / destroyed / terminated / ended the lives of / wiped out / did in” и т.д. Главное в данном случае — это вопрос стиля и регистра.

3. С первого дня обучения студентам очень полезно записывать себя на диктофон и уделять большее внимание проблемам, о которых здесь уже шла речь. При работе с магнитофоном целесообразно записать свой первый перевод, уделив внимание всем основным *аспектам*: лексике, грамматике, синтаксису, стилю, регистру и подаче материала. Затем нужно записать второй перевод, концентрируясь лишь на одном вопросе, например на использовании артикля или глагольных времён. Затем — третий перевод, при котором уделяется внимание синтаксису или подаче материала. Только после нескольких записей, в каждой из которых особое внимание студент уделяет только одному из аспектов своего перевода, он может рассчитывать на получение оптимального варианта — гладкого и правильного перевода.

Наконец, студентов-синхронистов надо обязательно поощрять. Это может показаться очевидным, но при переводе на иностранный язык возникает очень много подводных камней, влекущих за собой ошибки и фрустрации. Похвала за хорошо выполненную работу и постоянное поощрение жизненно необходимы, для того чтобы студент не пал духом. И, конечно же, чем больше русскоязычный переводчик работает с носителями иностранных языков и чем чаще соприкасается с их лингвистической средой, тем более результативной оказывается его работа. Поэтому не стоит забывать, что и уже состоявшимся, и завтрашним специалистам будут полезны и интересны образовательные программы, предназначенные для обменов между студентами и преподавателями из разных стран.